

ОРАЗАЛЫ СОВЕТКАЛИ

Тишина на полигоне

РОМАН

Оразалы Советкали

Тишина на полигоне

«Автор»

2026

Советкали О. С.

Тишина на полигоне / О. С. Советкали — «Автор», 2026

В 1978 году молодой инженер Марат Касымов приезжает в закрытый город возле Семипалатинского полигона. Здесь он находит дело, которому верит, друзей и Жанар — женщину, с которой связывает свою жизнь. Двадцать лет спустя прежней страны уже нет, полигон закрыт, друзья разъехались, а на старых дорогах появляются чужие грузовики. Служебная записка Марата становится основанием для обещаний, которых он не давал, и теперь от его ответа зависят люди, потерявшие время и деньги. Роман о верности делу, цене доверия и семье, которая не может бесконечно ждать.

© Советкали О. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Дорога	6
Часть первая. Место в жизни	10
Глава 1. На соседней кровати	11
Глава 2. Пятая строка	16
Глава 3. Воскресенье в три	19
Глава 4. Ключи на двоих	22
Глава 5. Начало отсчёта	24
Глава 6. Взносы	28
Глава 7. Сухая осень	31
Часть вторая. Голоса	35
Глава 8. После апреля	36
Глава 9. Две чашки	39
Глава 10. Разговор без протокола	43
Глава 11. Белые рубашки	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Оразалы Советкали Тишина на полигоне

Глава

Оразалы Советкали
Тишина на полигоне
Роман

Оразалы Советкали. Тишина на полигоне. Роман.

Это художественный роман. Марат Касымов, Жанар и другие основные действующие лица вымышлены. Их разговоры, документы и частные рабочие ситуации не воспроизводят конкретного архивного дела. Исторические события и учреждения служат средой повествования.

Иллюстрации и основы обложек созданы с использованием генеративных инструментов.

© Оразалы Советкали, 2026

Пролог. Дорога

*Бывший Семипалатинский испытательный полигон
Октябрь 1998 года*

Чужая колея. Бывший Семипалатинский испытательный полигон. Октябрь 1998 года.

Болат заметил чужую колею у съезда, где с дороги обычно сходили только свои. Он притормозил, высунулся из окна и долго смотрел вниз, будто хотел разглядеть не следы, а руку, которая их оставила.

— Ты чего? — спросил Марат.

— У нас такую машину не давали.

— Какую?

Болат вышел. Небо было белым, без облаков, и по нему невозможно было угадать, будет к вечеру снег или просто станет холоднее. Под подошвой сухо хрустнула глина. Болат подошёл к колее, присел и провёл по ней пальцами.

— Тяжёлая. Широкая. И не одна ходка.

Марат посмотрел туда, куда уходили следы. Дорога изгибалась за невысокую складку земли. Вся эта местность с первого взгляда казалась простой: куда захочешь, туда и поезжай. Так думали люди, которые видели её из окна автобуса. Он помнил дорогу лучше, чем хотел бы помнить. Поворот, где всегда поднималась пыль; сухое русло, через которое весной не проехать; место, где водитель должен был сбросить скорость до того, как увидит провал. Никакой единой карты в голове у него не было, только десятки разрозненных маршрутов.

— Нельзя по колее установить, куда они ездили, — сказал он.

Болат поднялся.

— Я пока не устанавливаю. Я тебе показываю.

В кабине на переднем сиденье лежал хлеб в бумаге и папка с листами, которые Эсем просила не мять. На приборной панели дребезжала пустая пластиковая крышка. Пока Марат разглядывал след, крышка не переставала стучать ему в память: домашний, мелкий звук, неподходящий для места, где люди по привычке говорили тише.

— Поедем дальше? — спросил Болат.

Марат достал из кармана карандаш. От дождя тот разбух, дерево цепляло пальцы. В блокноте нашлась страница с утренними записями. Марат написал: «Следы тяжёлой машины у съезда». Подумал и добавил: «Принадлежность не установлена».

— Поедем до нашей границы. Не дальше.

— А если колея туда?

— Тогда остановимся.

— Ты их искать собрался? — спросил Болат.

— Нет. Надо понять, не поведём ли мы своих по их дороге.

Болат посмотрел на колею ещё раз и кивнул.

Болат поставил ботинок на край отпечатка и засыпал его пылью.

— Мы здесь весь год останавливаемся. Сегодня поедем, завтра нельзя. Одни говорят, закрыто. Другие говорят, свободно. Я вчера парня встретил: он вообще считает, что если взрывов нет, то всё кончилось.

— А ты что сказал?

— Сказал: хорошая у тебя жизнь, раз кончилось.

Они вернулись в машину. На заднем сиденье Эсем держала на коленях приборный журнал. Пока мужчины разговаривали, она не выходила. У неё был свой порядок: сначала записать, потом спорить. Она повернула к Марату страницу, не отдавая папки.

— Что скажете руководителю? Если скажете «посторонние были на участке», он спросит, кто видел. А если скажете «имеются следы», он спросит, что они меняют для работы.

— Правильно спросит, — ответил Марат.

— Тогда решите до звонка, что меняют.

Болат завёл мотор. Марат уже хотел попросить ехать, но заметил справа за сухим руслом несколько свежих комьев земли. Они были светлее окружающей степи. Вчера их здесь не было — или он вчера не смотрел в эту сторону.

— Постой.

Марат вышел снова, прошёл несколько шагов и понял, что машина сюда и не сворачивала. Следы уходили дальше. Светлая земля могла быть от ветра, воды, любой работы. Но теперь он видел её отдельно от всего остального.

Әсем опустила боковое стекло.

— Марат-аға, вы уверены, что это ваша граница?

Ему не понравилось слово «ваша». Граница не принадлежала ему. Её определили люди, которые давно разъехались по разным городам и учреждениям. Когда-то он сам помогал уточнять, что считать рабочей зоной измерения. Тогда это выглядело достаточным. Теперь обычный вопрос молодой сотрудницы делал прежнюю аккуратность чем-то похожим на недосмотр.

— Я уверен, где начинается наша работа, — сказал он. — А где заканчивается дорога — это надо смотреть.

Они доехали до места, где ждали двое рабочих. Дальше машинам предстояло идти по прежнему графику. Серик, стоявший у открытой дверцы своего автомобиля, махнул им издали.

— Вы куда пропали? До обеда половину хотели сделать.

Марат не поздоровался через расстояние. Подошёл и протянул блокнот.

Серик прочёл одну строку, перевернул страницу, будто ожидал продолжения.

— И что?

— Проверку начнём не с того места, как договорились.

— Кто решает?

— Пока я предлагаю.

— Тогда предлагай так, чтобы люди сегодня работали.

Әсем подошла с папкой. На её лице не было той радости молодого специалиста, который наконец нашёл ошибку старшего. Она посмотрела на Серика и произнесла ровно:

— У съезда свежая земля. Если там копали и двигали грунт, прежние измерения могут уже не описывать наш маршрут. Сначала посмотрим, что изменилось.

— И сколько это займёт?

— Ещё не знаем.

Серик помолчал. За его плечом рабочие уже перестали делать вид, что заняты инструментом.

— Прекрасный ответ. За него завтра тоже заплатят?

Марат смотрел не на Серика, а на этих двоих. Один прятал руки в рукава куртки, другой держал какую-то железу, которую можно было давно положить. Годы назад Марат тоже считал часы до конца смены. Но теперь ему платили за другое — за способность объяснить, почему день может пройти без результата.

— Сначала надо выяснить, куда вела машина, — сказал он.

— Тогда выясняй. Только не пиши потом, что я тебе мешал.

Серик повернулся к рабочим и сказал им собирать инструмент. Те не спросили ни о каком следе. Им был нужен человек, которому можно задать простой вопрос: когда они снова выйдут сюда и получат деньги.

По дороге назад Марат попросил Болат остановиться на том же съезде. Колею уже присыпал ветер, но в глубине отпечатка ещё держалась тёмная глина. Болат показал на второй след, выше по склону: оттуда грузовик, должно быть, разворачивался.

Марат открыл блокнот. На предыдущей странице, рядом с датой, стояло обещанное Серiku число — день, к которому он рассчитывал закончить проверку. От ветра лист загнулся, и пришлось придержать его ладонью.

— Едем? — спросил Болат из кабины.

— Едем. Только сначала к Серiku, не на склад.

Болат посмотрел на него, словно хотел уточнить что-то ещё, потом захлопнул дверь. Пока машина разворачивалась, Марат держал блокнот открытым на коленях.

Часть первая. Место в жизни

1978–1985

Глава 1. На соседней кровати

Семипалатинск-21

Август 1978 года

Первый день. Семипалатинск-21. Август 1978 года.

Проверяющий давно прошёл вдоль автобуса, а водитель всё ещё не закрывал дверь. Молодой человек в белой рубашке, ещё чистой после дальней дороги, вынул из папки письмо,

паспорт и отдельный лист, который ему советовали держать сверху. Проверяющий взял только паспорт.

— Куда?

— На работу.

— Вижу. К кому?

Марат Касымов назвал фамилию, которую уже несколько раз произносил по дороге и каждый раз боялся перепутать ударение. Проверяющий не отреагировал.

— Сидите.

Сзади женщина с корзиной громко сказала, что картошка к вечеру сварится сама, если ещё задержат. Никто не засмеялся, кроме человека возле окна. Он засмеялся быстро и сразу замолчал.

Марат закрыл папку. Несколько часов назад он представлял себе приезд иначе. Ему хотелось выйти у нужного дома и сразу увидеть лабораторию — приборы, работу, людей, которые разговаривают не об отвлечённых обещаниях, а о вещах, способных показать свой ответ. Даже первый разговор с начальником он мысленно начинал правильно: «Я окончил институт, хочу заниматься измерениями». Но теперь его образование не имело значения. Значение имели чужая фамилия и лист бумаги, который никто не попросил.

Женщина с корзиной наклонилась к нему:

— Первый раз?

— Да.

— Привыкайте. Они и своих долго держат.

— А вы тут живёте?

— Живу. А где ещё? У меня здесь муж, сын и огурцы на балконе.

Он хотел спросить, зачем здесь огурцы, но не успел. Проверяющий вернулся, отдал паспорт и махнул водителю.

За окном пошли дома, удивительно обычные после разговора о закрытом городе. Люди не ходили строем, не озирались и не говорили шёпотом. Две девочки бежали за мячом. Возле подъезда мужчина выколачивал половик, женщина из окна объясняла кому-то, что ведро не её. Рядом с небольшой клумбой сохло детское бельё. Марат почувствовал почти досаду: он приехал в место, о котором нельзя толком говорить, а оно оказалось похожим на соседний район любого другого города.

В общежитии ему выдали ключ и сказали до вечера встретиться с человеком из лаборатории. Комната была занята наполовину: на одной кровати лежало серое одеяло, а на подоконнике стояла консервная банка с двумя карандашами. Вторая кровать скрипнула, когда Марат поставил на неё чемодан. Он открыл окно. В комнату вошёл сухой воздух и звон посуды откуда-то снизу.

Сосед явился через двадцать минут и назвался Виктором. Он был старше на несколько лет, говорил быстро и сразу предложил кипяtilьник.

— Ты откуда?

— Из Алма-Аты. Учился там.

— Я спрашиваю, до этого откуда.

— Из Семипалатинска.

— Значит, рядом с домом. Нам тут этого не хватает.

— Чего?

— Чтобы «рядом». Ехать далеко, говорить нельзя, а мама считает, что я на обычной работе. Ты, главное, ей не объясняй, что она заблуждается. Она и так всё понимает лучше меня.

Он показал, как включать кипяtilьник, посоветовал купить второй стакан и ушёл, не узнав фамилии нового жильца. Марат остался у открытого чемодана. В самом низу лежал тетрадный лист, сложенный вчетверо. Отец написал там адрес тётки в Семипалатинске и слово

«звони» крупнее прочего. Марат сунул лист обратно. Здесь у него пока не было ни телефона, ни права звонить с рабочего места по домашним делам — последнее он решил сам, ещё не зная правил.

До встречи с Талгатом его не пустили к работе по причине, которую он в институте не встречал. Требовалось сначала дождаться человека, отвечавшего за помещение; тот уехал с машиной и задержался. Марат дважды подходил к двери, потом сел на подоконник. В коридоре прошёл мужчина с ящиком, из которого тихо постукивало стекло.

— Неси за низ, — сказал кто-то из комнаты. — За ручку не хватай: она вчера оторвалась.

Марат вскочил и предложил помочь. Мужчина охотно отдал ему один край ящика. На лестнице они разошлись с женщиной, которая несла стопку тарелок и успела сделать замечание обоим: ей тоже было тесно, и никто не предлагал уступить дорогу. Через минуту Марат обнаружил, что ничего не знает ни о женщине, ни о ящике, ни о том, куда его велели поставить. Он стоял возле открытой двери, держа тяжесть, которую не мог ни бросить, ни отнести по собственной воле.

— Новый? — спросил мужчина.

— Да.

— Тогда привыкай сначала узнавать, куда идёшь. Здесь от одного усердия толку мало.

Дежурный сотрудник наконец вернулся. Он спросил, кто попросил Марата нести ящик, указал, куда его поставить, и отправил новичка к Талгату.

Лабораторию он нашёл в здании, которое ничем не обещало необыкновенной работы. Коридор был выкрашен на две разные высоты, будто маляр не смог достать до потолка. По лестнице спускался человек с тремя папками под мышкой, за ним другой нёс чайник и громко ругался на отсутствие горячей воды.

За дверью сидел Талгат, высокий мужчина с редкими волосами и внимательными, почти весёлыми глазами. Он посмотрел на письмо о направлении, на Марата, затем снова на письмо.

— Измерительная техника? Значит, измерять умеешь.

— По специальности — да.

— Это хорошие слова. Теперь узнаем, умеешь ли записывать.

Он отложил бумаги.

— Завтра придёшь раньше. Покажем место и людей. Сегодня распишись, что получил инструктаж. Но сначала его послушай, чтобы не вышло, будто подписал то, чего не слышал.

Талгат сразу предупредил, что служебные материалы остаются на работе. В личной тетради не должно быть ни результатов, ни схем, ни названий порученных объектов. Потом объяснил обычные правила: чьё оборудование можно трогать, чьё нельзя, кому сообщать о неисправности, где заканчивается круг порученных работ, почему нельзя самостоятельно переносить цифры из черновика в итоговую ведомость. Слова были сухие. В конце он спросил:

— Понятно?

Марат сказал, что понятно.

— Тогда повтори, что делаешь, если прибор показывает не то, чего ждут.

— Проверяю исправность.

— А после?

— Повторяю измерение.

— А если снова не то?

— Сообщаю начальнику.

— Почему?

— Потому что так положено.

Талгат покачал головой.

— Положено много чего. Потому что показание твоё, а решение может быть чужим. Уберёшь показание — тому, кто принимает решение, останется только твоя поправка. А что было до неё, он не узнает.

Марат запомнил фразу, хотя она показалась ему преувеличением. В его представлении приборы для того и существовали, чтобы избавлять человека от лишних разговоров. Получил число, проверил, записал. Дальше другой человек делает свою работу. Талгат, видимо, считал иначе.

Когда Марат вышел из здания, уже темнело. На ступеньках стояли двое сотрудников. Один рассказывал, как в магазине привезли хорошие яблоки и они кончились прежде, чем он дошёл до прилавка. Другой слушал, хотя было видно, что яблоки его не интересуют. У ограды женщина звала ребёнка домой. Вдали проехал грузовик, и за ним медленно опустилась пыль.

Марат пошёл в общежитие пешком. Он искал глазами признак того, что находится внутри великого дела. Знак, который можно было увидеть самому и потом не описывать никому. Но вокруг были лишь улицы, люди и окна, постепенно загорававшиеся одно за другим.

Вечером Виктор спросил, как прошло знакомство.

— Нормально, — сказал Марат. — Там строгий человек.

— Все сначала строгие. Потом ты узнаешь, кто чего стоит.

Марат достал из чемодана чистую тетрадь. На первой странице он написал дату, название группы и свою фамилию. Подумал, зачеркнул название группы: ещё не было уверенности, что оно официальное, а тетрадь он собирался хранить долго.

Виктор увидел, как он выводит дату, и усмехнулся:

— Ты с первого дня всё записывать собираешься?

— Что забуду, то потом не восстановлю.

— Не переживай. Здесь умеют напоминать.

Марат закрыл тетрадь. В коридоре хлопнула дверь. Виктор ругнулся на чайник, и Марат поднялся помочь ему с розеткой. Утром нужно было вставать рано.

В первую субботу Марат отправился искать сапожника. Кожа на левом ботинке лопнула ещё в поезде; всё остальное время он держал ногу под сиденьем и надеялся, что никто не заметит. В городе ему назвали два адреса, но на первом мастерская оказалась закрыта. На втором сидел пожилой человек в жилете, с толстой иглой между пальцами.

— К понедельнику? — переспросил сапожник. — К понедельнику я и свои не зашью. Оставляй до среды.

Марат посмотрел на носок ботинка. В общежитии у него оставались только резиновые тапочки.

— Мне на работу.

— А я что, для прогулок здесь сижу?

В дверях стоял Талгат. Марат увидел его слишком поздно, чтобы спрятать ботинок за спину. Наставник поздоровался с сапожником, осмотрел разрыв и спросил, сколько потребуется времени, если принести подходящую кожу. Сапожник назвал срок неохотно: к вечеру.

— Где вы кожу возьмёте? — спросил Марат, когда они вышли.

— У меня дома старая сумка, кожа хорошая. Ремешок отрезать не жалко.

Марат хотел возразить, но наставник уже перешёл улицу. Пришлось догонять.

Сумка действительно была старая. За столом у Талгата сидели двое детей. Младший подвинул Марату тарелку с вареньем и спросил, правда ли в Алма-Ате все ездят на троллейбусах. Марат начал объяснять маршруты, а потом заметил, что мальчик смотрит не на него, а на ботинок под стулом.

— Рванный, — признал Марат.

— А у отца прошлой зимой оба порвались, — сказал мальчик. — Он неделю в валенках ходил.

— Это он тебя утешает, — заметил Талгат, отрезая от сумки полоску кожи.

После ужина Марат предложил вернуть деньги за испорченную сумку. Талгат даже не поднял головы.

— За работу заплатишь сапожнику. А у меня сумка давно без ручки. Всё равно не носил.

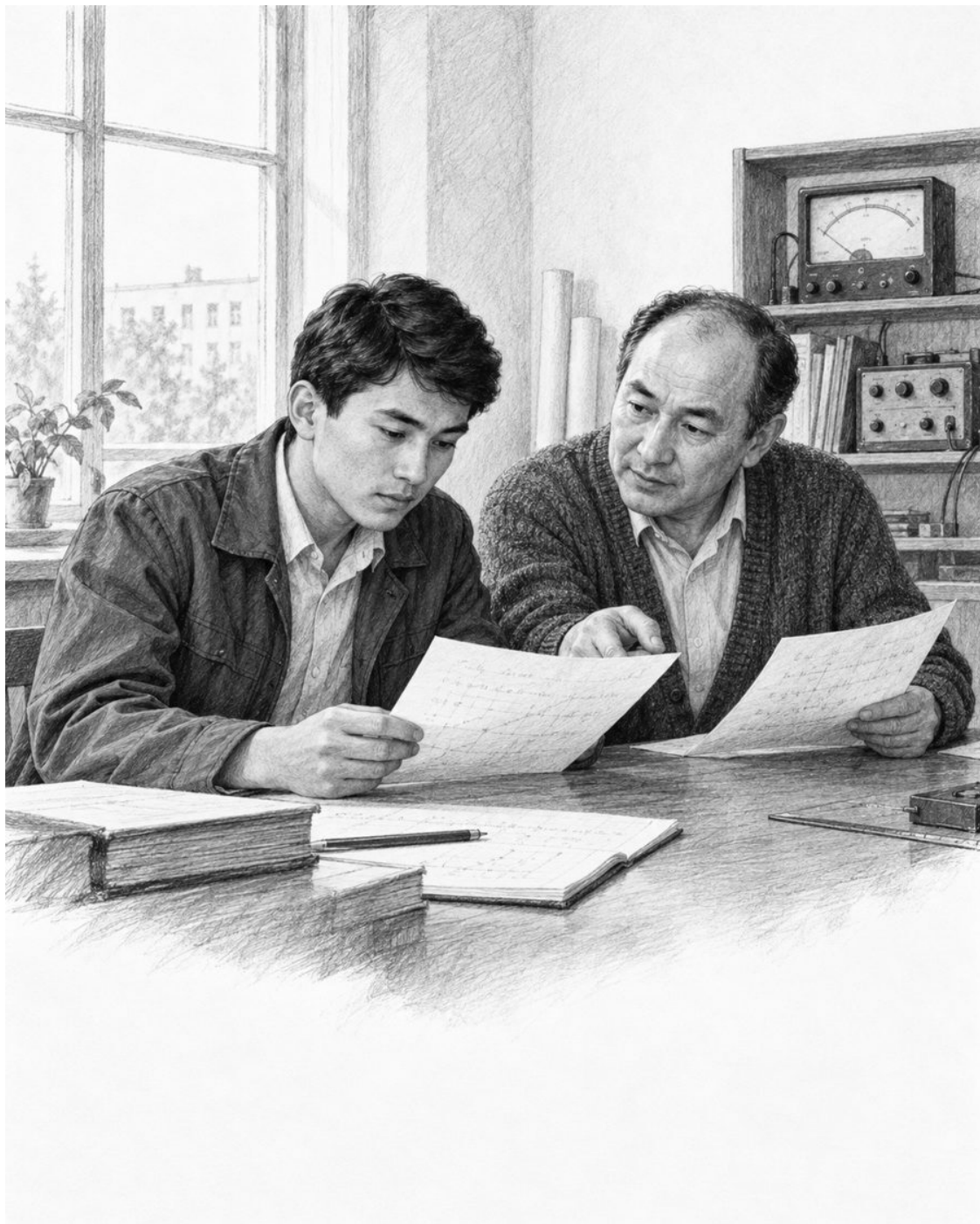
В понедельник Марат пришёл в лабораторию в отремонтированных ботинках. Снаружи заплатка почти не была видна. За столом уже сидели двое сотрудников и спорили, кто должен идти за недостающим кабелем. Марат предложил сходить сам. Оба сразу согласились. Только в коридоре он сообразил, что не знает, где кабель выдают и кто имеет право его получить. Вернулся спросить.

— Вот теперь похоже на работу, — сказал Виктор, не отрываясь от бумаги. — Сначала иди, потом выясняй, куда.

Марат вынул из портфеля диплом, чтобы убрать его в тумбочку. В графе специальности стояли приборы и методы измерений; на выданном сегодня листке — просто «инженер». Диплом он положил под бельё, листок оставил сверху.

Глава 2. Пятая строка

*Семипалатинск-21
Сентябрь 1978 года*

Измерительная группа. Семипалатинск-21. Сентябрь 1978 года.

К концу второй недели Марат научился различать шаги Талгата по коридору. Наставник ходил медленнее остальных и никогда не ускорялся перед дверью, даже если его ждали.

Когда он появлялся, разговоры не прекращались. Зато все переставали изображать, что успеют закончить работу за пять минут.

В тот день Марат переносил показания из черновых листов в рабочую таблицу. Цифры шли ровным столбцом. Час назад он обнаружил одну запись, которая нарушала порядок, и решил, что старший инженер просто неразборчиво написал знак. Марат сверил запись со своим блокнотом, нашёл там привычное значение и внёс его в таблицу.

Талгат подошёл с кружкой чая.

— Что было в пятой строке?

— Я исправил.

— Я спросил, что было.

Марат почувствовал неприятную пустоту в животе. Он помнил только, что число показалось неверным. Лист с чужим почерком лежал среди бумаг. Пришлось искать. Талгат ждал, не подгоняя.

— Вот, — сказал Марат. — Здесь, кажется, ошиблись знаком.

— Кажется?

— Скорее всего.

— Тебя просили угадывать?

— Нет. Но в моём блокноте другое.

— Хорошо. Значит, два разных источника. Почему у тебя один превратился в ноль, а другой в истину?

— Потому что я измерял.

Талгат взял оба листа и положил рядом.

— А если прибор у тебя неправильно стоял? Или ты перепутал запись? Или тот, кто писал здесь, видел то, чего не видел ты? Что тогда?

Марат молчал.

— Смотри, молодой человек. Ошибку исправляют так, чтобы было видно, что её исправили. Иначе ты отнимаешь у другого человека возможность проверить тебя. Зачем нам такой помощник?

Он отдал листы и ушёл. В комнате было тихо только несколько секунд. Потом кто-то застучал карандашом о металлический край стола.

— Вот уж попал, — сказал Виктор, сидевший напротив. — А я говорил: не бегай впереди начальства.

Марат вытащил таблицу из папки. Исправленная цифра выглядела красивее всех остальных. Он зачеркнул её одной тонкой линией, рядом написал прежнее значение и отметил, по какой записи сделал исправление. Получилось некрасиво. Именно это и требовалось.

На следующий день Марат попросил разрешения самому поговорить с человеком, сделавшим спорную запись. Тот оказался немолодым лаборантом с обветренными руками. Он выслушал Марата, не перебивая, и достал из стола тетрадь в мягкой обложке.

— Ваша пятая строка у меня здесь тоже есть, — сказал он. — Только рядом стоит пометка, которую вы не перенесли.

— А что она означает?

— Что первый раз снимали показание до замены соединения, второй — после. Оборудование здесь ни при чём. Я просто пометил, чтобы потом не перепутать.

Марат посмотрел на тетрадь. В своей таблице он оставил единственное число, которое счёл верным; на самом деле правильных чисел было два, и они отвечали на разные вопросы.

— Почему вы не внесли это в общий лист?

Лаборант снял очки.

— Потому что общий лист составили месяц спустя. А меня на совещание не позвали.

Он сказал это без обиды, будто сообщал о смене погоды. Марату стало неловко от собственной вчерашней уверенности. До обеда он исправлял таблицу уже не один. Сначала спрашивал лаборанта, затем звал Виктора, потому что тот лучше понимал, как читают записи в соседней группе. К вечеру правильная строка заняла больше места, чем прежняя ошибка.

— Так и должно быть? — спросил Виктор.

— Не знаю, красиво ли, — сказал Марат. — Но теперь видно, что произошло.

— Я не про красоту. Завтра нашему начальнику понадобится половина страницы, а ты ему оставил полторы.

— Пусть выберет, что ему не нужно. Я за него не стану.

Виктор посмотрел на него с неожиданным удовольствием.

— Вот теперь у тебя появится работа.

Вечером Марат вернулся в общежитие раньше соседа. Он не стал писать родителям: первое настоящее рабочее событие выглядело бы в письме глупостью. «Сегодня я оставил неправильную цифру в таблице». Отец спросил бы, чему его пять лет учили. Мать наверняка решила бы, что на него кричали.

Он открыл ту самую тетрадь, где недавно зачеркнул название группы, и написал: «Сохранять предыдущую запись».

Потом добавил: «Если другой человек будет проверять».

Эту вторую фразу он обвёл рамкой. На обратной стороне страницы остался след от нажима карандаша. Марат провёл по нему ногтем и захлопнул тетрадь.

Глава 3. Воскресенье в три

Семипалатинск-21

Май 1979 года

У реки. Семипалатинск-21. Май 1979 года.

Виктор взял у него чистую рубашку и вернулся через пять минут уже в ней.
— Собирайся. Пойдём знакомиться.

Марат посмотрел на воротник. Рубашка была ему впору, Виктору — тесна.

— С кем?

— С людьми. Ты второй выходной ходишь до столовой и обратно.

Вечером собирались у знакомого техника. Тот недавно женился, получил комнату и теперь звал всех, кто помогал перевозить стол. Марат ничего не перевозил и потому отказывался, пока Виктор не вручил ему свёрток с хлебом.

— Теперь помог. Пошли.

Комната оказалась длиннее их общежитской, но народу в ней уже было столько, что разницы Марат не почувствовал. На столе стояли салат, селедка и маленькая тарелка с нарезанными яблоками. Хозяйка пыталась оставить яблоки до конца ужина; гости брали их, пока она отворачивалась.

Жанар сидела у окна и пришивала хозяину пуговицу. Когда Виктор представил Марата, она подняла глаза:

— А вы тоже с работы?

— Сейчас — из общежития.

— Это я вижу. Я спрашиваю, вы здесь все из одного места?

Хозяин объяснил, что знаком с Виктором, а Марат знаком с Виктором, следовательно, все знакомы. Жанар откусила нитку, вернула рубашку и наконец придвинула к себе тарелку.

Марат весь ужин ловил возможность спросить, давно ли она в городе. Ему мешал человек напротив, непрерывно рассказывавший о рыбалке. Рассказчик в третий раз дошёл до места, где кончилась леска, когда Жанар сама повернулась к Марату:

— Вы сегодня вообще не разговариваете.

— Слушаю.

— Он в прошлый раз поймал больше. Сегодня почему-то стесняется.

Человек напротив услышал и возмущился. Оказалось, в прошлый раз была другая река. Жанар извинилась так серьёзно, что засмеялись даже хозяева.

Потом всем предложили переставить стол к стене. Пока выносили стулья, Виктор включил проигрыватель. Игла перескочила, песня началась с середины. Никто не пошёл танцевать первым. Жанар встала, взяла Марата за руку и попросила не смотреть на свои ноги.

Он всё равно смотрел.

— Вы считаете? — спросила она.

— Нет.

— Напрасно. Я тоже сбиваюсь.

Вторая сторона пластинки была поцарапана. На одном месте певец начинал слово и возвращался к нему снова. Виктор крикнул, что это специально для начинающих. Жанар расхохоталась, Марат перестал следить за ногами и сразу наступил ей на туфлю.

Провожать её он вышел вместе с другими. У поворота компания разделилась; ещё через квартал с ними попрощалась пожилая учительница, которая всё время несла пакет так, словно внутри было что-то хрупкое. Марат остался с Жанар один и наконец узнал, что она преподаёт русский язык и литературу, живёт пока у знакомой и совсем не собиралась задерживаться здесь надолго.

— А сейчас? — спросил он.

— Пока остаюсь. У меня пятый класс. Они решат, что я из-за них уехала.

Он начал рассказывать, что в городе можно получить хорошую работу, что людей ценят и есть чему учиться. Жанар слушала, наклонив голову. У её подъезда пахло мокрой землёй: кто-то поливал клумбу из ведра.

— Вам правда здесь нравится? — спросила она.

— Да.

— Тогда приходите в следующее воскресенье. Покажете, что именно.

Марат согласился слишком быстро. Она улыбнулась и вошла в подъезд. Он успел пройти до угла, прежде чем понял, что они не договорились о времени. Вернулся и постучал в уже закрытую дверь. Жанар выглянула из окна второго этажа.

— В три, — сказала она. — Я думала, вы вернётесь.

В общежитии Виктор пытался расстегнуть верхнюю пуговицу чужой рубашки.

— Ну что, понравились люди?

Марат забрал рубашку. На левом рукаве осталось маленькое пятно от салата. Он намочил полотенце и начал оттирать.

— В воскресенье не занимай кипятильник, — сказал он.

Через неделю они дошли до реки. Жанар сняла туфли, вытряхнула песок и долго стояла босиком у самой воды. Марат рассказал ей про отца, который хотел, чтобы сын работал поближе к дому, и про институтские занятия, где за правильным ответом почти никогда ничего не следовало. Здесь следовало: запускалась работа, ехали люди, можно было увидеть, что твои знания кому-то нужны.

Она не сказала, что понимает. Подобрала маленький плоский камень и попробовала пустить по воде. Камень сразу утонул.

— Покажите, — попросила она.

Марат выбрал другой. На этот раз не стал объяснять, как держать руку. Просто бросил. Получилось два прыжка. Жанар заявила, что это не считается хорошим результатом, и они задержались у реки до вечера.

Глава 4. Ключи на двоих

Семипалатинск-21

Осень 1980 года

Марат и Жанар устанавливают полку. Семипалатинск-21. Осень 1980 года.

Кольцо оказалось велико. В магазине Жанар уверяла, что так удобнее, а дома стало ясно: с мокрой руки оно соскальзывает. Марат предложил отнести мастеру. Она сняла кольцо, поло-

жила возле чашки и спросила, не найдёт ли он заодно человека, который объяснит им, как жить в одной комнате и не передвигать друг друга вместе с мебелью.

После свадьбы они поселились у пожилой женщины. Получить своё жильё сразу не удалось. Комната вмещала кровать, стол и шкаф; чтобы открыть нижнюю дверцу, приходилось отодвигать стул. Марат собирался сделать полку, Жанар — повесить занавеску, хозяйка просила не сверлить стену после восьми. Все трое считали эти требования легко совместимыми, пока не начался обычный рабочий день.

Однажды вечером Марат принёс доску и обнаружил, что Жанар уже разложила на столе тетради. До восьми оставалось сорок минут. Он попросил убрать на полчаса. Она сказала, что через полчаса останется ещё сорок непроверенных работ. Марат не понял, зачем считать так точно, если полка нужна обоим.

— Тогда делай, — сказала Жанар и начала собирать тетради.

Он поставил доску к стене. Ему не нравилась уступка, после которой становилось ясно, что согласия не было.

Хозяйка заглянула на звук стула и спросила, почему они до сих пор не ужинают. Они попытались объяснить. Женщина посмотрела на доску, на тетради, потом вынесла из своей комнаты маленький столик на колёсиках.

— Мне телевизор подвинете, когда понадобится. Пока берите.

Марат прикрепил полку в воскресенье. Она получилась ниже, чем он хотел: сверху обнаружилась старая трещина. Жанар поставила на неё книги, одну чашку и маленькую глиняную фигурку, которую Марат прежде не видел.

— Откуда?

— Из дома. Ты же не все мои вещи знаешь.

Фигурка изображала коня, но задняя нога у него давно откололась. Марат предложил подклеить подставку. Жанар сказала, что тогда он перестанет качаться, а ей так нравится. Он покачал коня пальцем и отложил клей.

В тот же год его приняли в КПСС. Заявление он писал без чужой подсказки. Отец спросил по телефону, сам ли решил. Марат ответил, что сам. Ему нравилась мысль о принадлежности к людям, от которых можно требовать больше.

На работе поздравили коротко. Секретарь партийной организации Завьялов поговорил с ним о группе, о людях, которые не умеют выступать, но тянут своё дело годами. Марат слушал и вспоминал техника с тяжёлым ящиком. Тот не произнёс ни одной высокой фразы, зато охотно взялся с ним за тяжёлый ящик.

Вечером пришли Виктор и его жена. Принесли пирог, сели за стол, которым хозяева ещё не научились пользоваться вдвоём. Виктор осмотрел новую полку и заявил, что она выдержит всё, кроме Маратова усердия. Жанар попросила его проверить. Он положил на полку ладонь, нажал, потом на всякий случай убрал.

Они ужинали допоздна. Хозяйка заглянула сказать, что будет спать, и осталась на чай. Жанар поставила ещё одну чашку, Марат подвинулся на кровати. В комнате стало невозможно пройти, но никто не собирался уходить.

Когда гости разошлись, Марат мыл посуду, а Жанар вытирала. Снаружи в окно бил дождь. Она спросила, хочет ли он всегда жить здесь. Он ответил, что пока да.

— Я тоже пока, — сказала она.

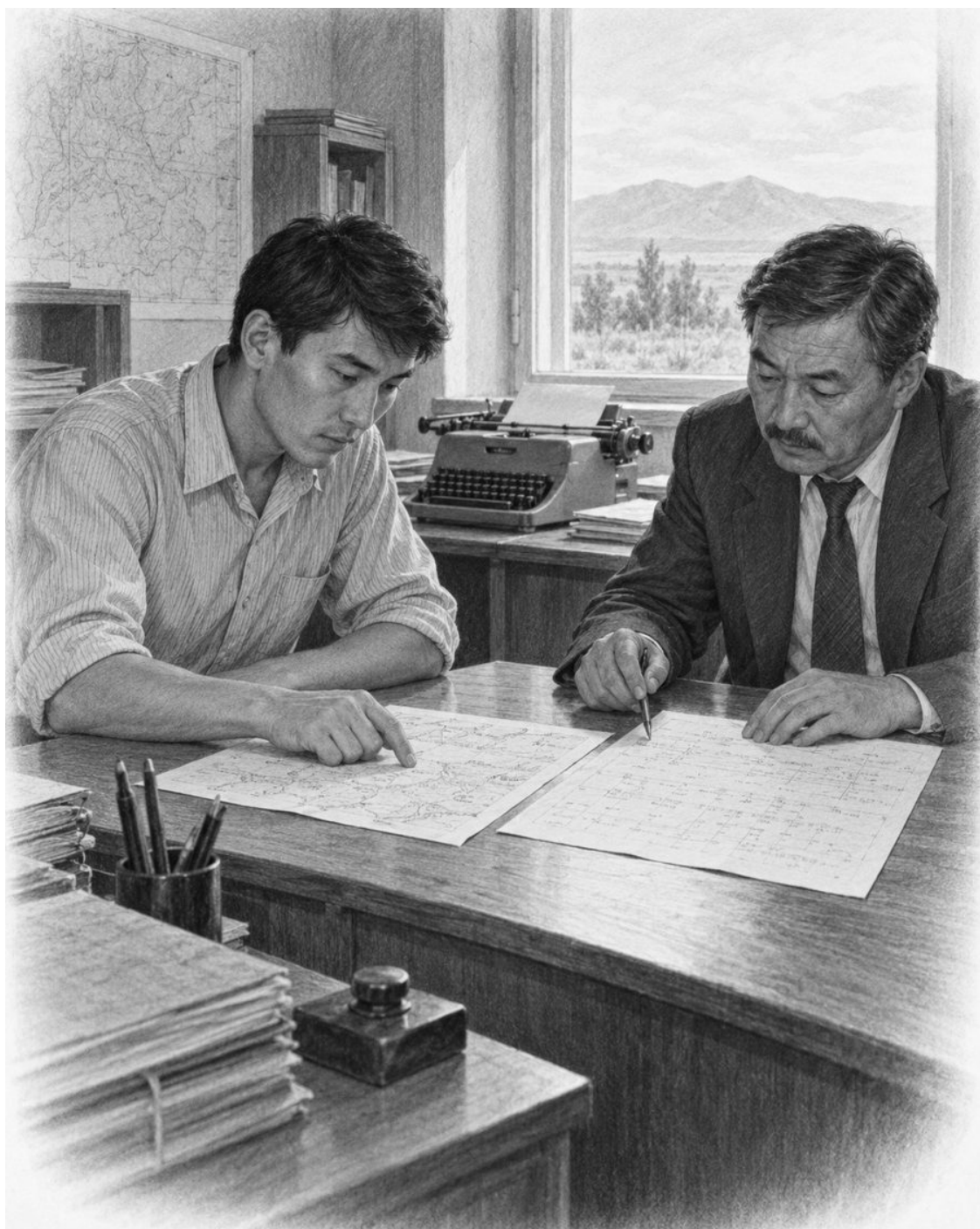
Марат повернулся. Ему показалось, что она убавила что-то в их общей жизни. Жанар протянула мокрую тарелку обратно: он плохо смыл мыло.

— Это не значит, что мало, — добавила она. — Я просто не умею за всё вперёд обещать.

Он домыл тарелку. Через несколько дней они сделали дубликат ключа. Марат повесил свой на толстую нитку, Жанар убрала в карман пальто. Утром оба долго искали, кто положил квитанцию на единственный свободный стул, и чуть не опоздали на работу.

Глава 5. Начало отсчёта

*Испытательный комплекс и Семипалатинск-21
Лето 1981 — весна 1982 года*

Сверка записей. Испытательный комплекс и Семипалатинск-21. Лето 1981 — весна 1982 года.

Работу, за которую Марата впервые похвалили при всех, никто потом не вспоминал в тех словах, какими говорил начальник. В памяти осталось другое: грязь на рукаве пиджака, отказавшая накануне пишущая машинка и Талгат, который, прежде чем поздравить, попросил вернуть заимствованный карандаш.

Всё началось со спора о времени. Одна бригада сдала свою часть вовремя, другая заверяла, что задержка началась не у неё, третья ссылалась на старую ведомость, где не совпадали отметки. Для начальства задача была простой: установить, можно ли считать проверку законченной. Для работников — не простой вовсе. От заключения зависело, кому придётся снова ехать, менять порядок работ и объяснять задержку.

За неделю до совещания произошла неприятность, о которой затем никто не любил вспоминать. Две бригады прибыли в разное время к одной и той же работе. Одна привезла людей, другая — оборудование. Когда вторые приехали, первых уже отправили обратно: руководство посчитало, что подготовка сорвалась. Бригадир, плотный седоватый мужчина, в дверях кабинета сказал Марату:

— Ты потом объяснишь моим людям, почему они день мотались?

— Я не распоряжался отправлять вас.

— Я знаю. Поэтому и спрашиваю тебя, а не того, кто распоряжался.

Марат не нашёлся, что ответить. Накануне он согласовал сводку времени, не заметив, что в двух таблицах одинаковое слово обозначало разные начала отсчёта. Бригадир ушёл, оставив дверь открытой. Марат закрыл её и вернулся к листам.

Он не сумел решить расхождение сразу. Поехал с Виктором к другой группе, час ждал человека, которого никто не хотел отпускать с рабочего места. Тот вышел в куртке поверх рубашки, раздражённый тем, что его снова спрашивают о вчерашнем дне.

— Если хотите назначить виновного, назначайте меня, — сказал он. — Только скажите, какую запись вы называете временем начала.

Марат открыл оба журнала. Через некоторое время они перестали спорить и стали сравнивать, что видел каждый. Рабочий напомнил о задержке транспорта, Виктор — о перенесённом устном распоряжении, Марат — о времени, указанном на первом листе. Несовпадение осталось, но стало понятно, к какому действию оно относится.

Когда отметки времени сопоставили заново, Марат попросил позвать бригадира на совещание вместе с теми, кто подписывал график. Начальник поморщился, но согласился.

После совещания бригадир задержал Марата у лестницы.

— Значит, второй раз зря нас не погонят?

— Я не могу этого обещать.

— А чего можешь?

— Теперь у всех одна запись о том, когда начинается ваша работа.

Бригадир пожал плечами.

— Хорошо. Слова хотя бы одинаковые стали.

Оказалось, что расхождение существовало в подписях к времени, а не в самом порядке наблюдений. В одной таблице время считали от открытия ворот, в другой — от включения измерительной установки. Никто не подделывал документы и никто не был глуп. Просто документы составлялись для разных задач, а теперь их потребовали свести в один ответ.

Марат не чувствовал открытия. Ему было неловко от того, что взрослые люди не договорились о словах. Но на совещании его объяснение приняли, и задержка, ещё утром казавшаяся неизбежной, перестала быть причиной новых работ. Начальник поблагодарил его по имени. Позднее кто-то похлопал по плечу и назвал молодцом.

— Видишь? — сказал Виктор, когда они вышли в коридор. — Теперь все будут приносить тебе таблицы. Поздравляю.

Марат действительно начал получать чужие таблицы. Сперва одну или две в неделю, потом почти каждый день. Это выглядело доверием. На деле ему всё реже доставалось время для того, ради чего он учился.

Однажды Талгат застал его поздно вечером над чужим журналом.

— Чей?

— Попросили помочь.

— Кто?

Марат назвал фамилию.

— А сам он где?

— Домой ушёл.

Талгат поставил на стол пакет с хлебом.

— Тогда и ты иди. Бумага не станет правильнее от того, что ты будешь сидеть над ней вместо хозяина.

— Если я уйду, утром всё встанет.

— Значит, пусть утром увидят, что человек не успел. Ты же хочешь, чтобы у нас всё было честно.

Марат остался. Не назло Талгату, не ради начальника, а потому что уже начал. Пока он работал, начало превращалось в обязательство; бросить на середине казалось хуже, чем лишний час труда.

Через несколько дней после похвалы Марат встретил того самого бригадира у столовой. Мужчина стоял с обеденным бидоном и разговаривал с молодой женщиной в рабочем халате. При виде Марата он прервал разговор.

— Слышал, тебя отметили.

— За то, что нашли расхождение.

— Хорошо, что нашли. Моим ребятам за ту поездку кто заплатит?

Марат уже подготовил ответ: он передал исправленную сводку, а распоряжения об оплате не принимал. Но бригадир не дал ему начать.

— Я не спрашиваю, кто подписывает. Я спрашиваю, кто им скажет, почему они приехали зря.

На следующий день Марат попросил у начальника разрешения объяснить людям новое расписание. Начальник посмотрел на часы.

— Это не твоя обязанность.

— Они будут работать по нашей сводке.

— По утверждённой сводке. Не присваивай полномочий.

Марат вышел, не получив разрешения, и только тогда понял, что его заявление прозвучало как обещание, которое он не в состоянии исполнить. Бригадир уже ждал внизу у проходной. Они пошли вместе до остановки, и Марат рассказал ровно то, что знал: две группы пользовались разными отметками времени, проверка сделана заново, новые сроки теперь совпадают. Бригадир слушал без вопросов.

— А за прошлый день? — спросил он, когда подошёл автобус.

— Я подал уточнение. Решение не у меня.

— Тогда скажи сразу, что не у тебя. А то говоришь уверенно — люди думают, ты всё устроил.

Вечером Жанар увидела, что он не ест суп.

— Заболел?

— Нет. Оказалось, я не всё могу решить.

— Поздравляю, — сказала она. — Мне сегодня родители весь урок объясняли, как учить их ребёнка. Я их до конца выслушала. Ты хоть суп ешь.

Она придвинула хлебницу. Марат засмеялся и взял ложку. Утром он всё-таки выяснил, кому направлено уточнение по оплате, и передал фамилию бригадиру. Это заняло меньше времени, чем его вчерашние объяснения.

Весной 1982 года ему предложили вести небольшую измерительную группу. Он не сказал об этом родителям сразу. Сначала ему хотелось убедиться, что новая должность действительно его, а не временное удобство для начальства. Потом всё откладывал письмо. Отец узнал от знакомого раньше.

— Значит, дошёл до людей, — сказал он по телефону.

— Я и раньше с людьми работал.

— Не спорь. Радоваться можно?

— Можно.

Он положил трубку и ещё некоторое время стоял в комнате связи, где пахло нагретой проводкой. Уходить не хотелось: радость оказалась короче дороги до аппарата.

Позже Талгат поздравил его без торжественности:

— Теперь ты будешь объяснять не только свои ошибки.

— Я понял.

— Нет. Ты пока радуешься. Это тоже нужно. Поймёшь потом.

Вечером Марат принёс домой ключ от нового стола. Жанар спросила, на что ему два ключа, если уходить с работы он теперь всё равно будет последним.

Глава 6. Взносы

*Семипалатинск-21
Ноябрь 1983 года*

Партийные взносы. Семипалатинск-21. Ноябрь 1983 года.

Красная книжка лежала между расчётным листком и сложенной квитанцией. Марат доставал её раз в месяц, аккуратно расправлял угол страницы и ждал, пока секретарь сверит

сумму. В партию его приняли тремя годами раньше, после кандидатского стажа. Тогда каждый разговор о нём начинался со слов «молодой специалист». Теперь он руководил группой и иногда слышал от тех же людей, что слишком молод, чтобы спорить.

В коридоре ждал Талгат. Он тоже пришёл платить взносы, но книжку держал прямо в кармане пиджака, без обёртки.

— Заполняешься? — спросил он, увидев Маратов лист.

— Характеристику попросили на техника.

— Работает хорошо?

— Да. Но опоздания были.

— Тогда пиши и то и другое.

Марат недовольно посмотрел на него. Талгат умел давать совет так, будто задача от этого становилась проще. На самом деле трудность начиналась с последней строки: рекомендовать ли человека для новой работы. Техник был аккуратен с прибором, но дважды за месяц не пришёл вовремя. В первый раз объяснил, во второй промолчал. Марат счёл молчание неуважением к группе.

Секретарь открыл дверь. Его звали Николай Петрович Завьялов. За столом у него стоял электрический чайник с заменённой крышкой; ручка крышки нагревалась, и Завьялов снимал её носовым платком.

— Садись, Касымов. Ты по технику?

Марат протянул лист.

Завьялов прочитал, вернулся к началу и спросил, кто заменял работника в дни опозданий. Марат назвал две фамилии.

— Этих спросил?

— Опоздания я видел сам.

— Я не об опозданиях.

Марату захотелось забрать характеристику. Он не любил, когда проверку очевидного превращали в разговор.

Завьялов вышел в соседнюю комнату и вернулся с двумя пустыми чашками.

— У него мать после больницы, — сказал он. — Ты знаешь?

— Мне не говорил.

— Мне тоже не он говорил. Жена заходила. Им надо смену передвинуть, пока с уходом не разберутся.

Марат почувствовал себя обманутым. Человек нарушил порядок, не счёл нужным объяснить, а теперь получалось, что начальник группы должен был догадаться сам.

— Почему через вас?

— Здесь меня нашли. Тебя весь день нет.

В дверях показалась женщина со стопкой листов. Завьялов попросил оставить их на стуле. Женщина сказала, что на стуле уже лежат прошлые.

— Тогда на мои колени, — ответил он.

Она засмеялась и ушла. Марат смотрел на характеристику. За эту неделю он дважды оставался допоздна, прикрывая чужую смену, и теперь не знал, куда деть собственную обиду.

— Опоздания не вычёркивай, — сказал Завьялов. — С новым расписанием разберитесь. А человека не отправляй дальше с одной этой строкой. Он не только опаздывает.

На собрании вечером обсуждали работу, дисциплину и ремонт общего помещения. Первые два вопроса прошли гладко. На третьем люди заговорили одновременно: обещали ещё весной, материалы куда-то увезли, молодые семьи сами покупают то, что давно должно быть выдано. Завьялов попросил назвать тех, кто видел передачу. Один человек встал и назвал свою фамилию. После этого спор стал короче и неприятнее.

Марат ушёл с чувством, ради которого когда-то подавал заявление: если люди взяли на себя обязанность отвечать друг перед другом, можно добиться чего-то большего, чем выговор одному виноватому. Его раздражала торжественная речь, но сама обязанность казалась правильной.

Дома Жанар попросила показать билет. Она держала его осторожно, будто разрешение трогать личную вещь могло закончиться в любой момент.

— У отца такой же был, — сказала она. — Он его в нижнем ящике держал. Нам даже заглядывать не разрешал.

— А ты заглядывала?

— Я же знала, где он лежит.

Она вернула книжку и спросила, как прошло собрание. Марат рассказал о технике. Жанар выслушала, потом поинтересовалась, когда сам Марат в последний раз звонил матери. Он сказал, что недавно.

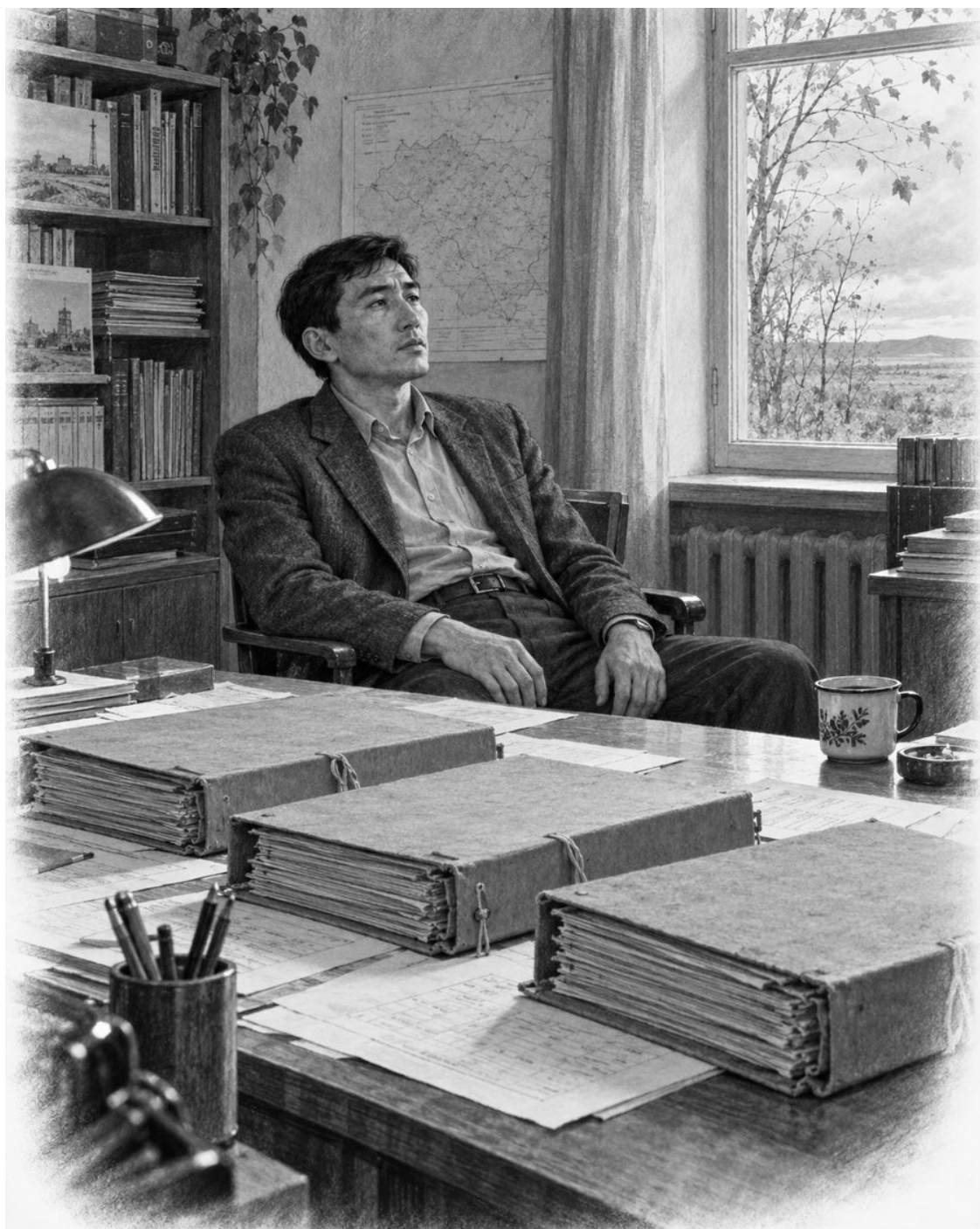
— Недавно — это когда мы вместе говорили?

Он посчитал недели и поднялся к телефону. Билет остался на столе рядом с её тетрадями. Вернувшись, Марат увидел, что Жанар положила на него чистый конверт: с открытой форточки тянуло, страницы шевелились.

На другой день он поговорил с техником. Тот признался, что не хотел просить о послаблении перед новым назначением. График поменяли на две недели. Одно опоздание из характеристики Марат убрал: в тот день смена действительно начиналась позже, но исправленный лист до него не дошёл. Второе оставил. Техник прочёл и расписался, не возражая.

Глава 7. Сухая осень

*Семипалатинск-21
Осень 1985 года*

Три папки на столе. Семипалатинск-21. Осень 1985 года.

На стол Марату поставили три папки со старыми таблицами. После вступившего в силу в августе моратория на ядерные испытания до них наконец дошла очередь. Приборы по-преж-

нему проверяли, но никто уже не подгонял к ближайшему испытанию. Виктор успевал выпить чай горячим; Марат то и дело смотрел на часы.

Нужно было проверить, годятся ли таблицы для нового сопоставления данных. Ему нравилось начало: весь материал перед глазами, никаких поездок, горячий чай возле окна. На третий день он почувствовал, что каждая папка становится тяжелее. В документах обнаруживались не большие ошибки, за которые можно получить благодарность, а множество небольших человеческих способов сэкономить время. Кто-то оставлял обозначение только на первой странице. Кто-то переписывал пояснение словами, понятными самому себе. Кто-то отмечал результат карандашом, рассчитывая потом перенести чернилами.

— Вреда от этого не было, — сказал Виктор, увидев его список замечаний.

— Не знаем.

— А что знаем?

— Что нам приходится гадать.

— Ты просто не любишь людей.

Марат рассмеялся. Виктор работал с ним уже много лет и умел произнести обидную фразу так, что она звучала как забота. Вечером он пригласил Марата с Жанар к себе на чай и предупредил не приносить ничего съестного: жена готовила пироги, а он не хотел, чтобы весь вечер спорили, чья мука лучше.

За столом разговор повернулся к новостям из Москвы. После избрания Горбачёва людей стали занимать не только сами решения, но и то, как быстро о них заговорили. Кто-то уверял, что теперь будут спрашивать за каждую копейку; кто-то говорил, что ровно наоборот, всё спешит ради красивого отчёта. Жанар заметила, что в школе дети слышат дома то же самое, только в более коротких выражениях.

— А у вас? — спросила хозяйка.

Марат понял, что вопрос относится к полигону. Он посмотрел на Виктора, но тот нарочно не помог.

— У нас много работы, — ответил Марат.

— Я не спрашиваю, много ли.

— Значит, я не понял вопрос.

Хозяйка пожала плечами. Жанар незаметно тронула мужа коленом под столом. Уже дома сказала:

— Тебя ведь не спрашивали о секретах.

— А о чём?

— Не знаю. Может, о том, как тебе живётся.

— Так бы и спросили.

— Марат, люди не всегда строят вопросы так, как ты ведомости.

Позднее они гуляли по улице, когда стало прохладно. В квартирах включали свет. Возле магазина двое мужчин спорили о сухом законе, как будто закон написали специально против их субботних встреч. Один уверял, что будут пить меньше. Второй сказал: «Будут пить хуже», и оба почему-то рассмеялись.

Жанар спросила:

— Если старой работы станет меньше, ты уедешь?

— Куда?

— Не знаю. Где будут нужны твои знания.

— Они здесь нужны.

— Сейчас я спрашиваю не про сейчас.

Он остановился. За разговором они ушли дальше, чем собирались, и возвращаться пришлось бы по неосвещённой стороне улицы.

— У нас не принято строить планы по слухам, — сказал он.

- А дома принято?
- Дома всё иначе.
- Вот именно.

Он взял её под руку. Она не отстранилась. Они пошли обратно, обсуждая совсем другое — подоконник, который надо будет по-красить, соседку, попросившую помочь с математикой сыну, и зимнюю одежду. В этом разговоре Марат чувствовал себя увереннее.

Жанар решила выяснить насчёт другой школы без помощи мужа. Она написала сестре, попросила узнать о вакансиях и отнесла письмо в почтовое отделение в субботу, пока Марат разбирал старые таблицы. Ей не хотелось устраивать из этого семейный спор: она ещё ничего не выбрала.

В почтовом отделении перед ней стояла женщина с двумя школьными тетрадями, вложенными в конверт. Та спросила, как правильнее написать адрес. Жанар подсказала. Выйдя на улицу, подумала, что сама за последние годы тоже стала давать советы увереннее, чем принимать решения о собственной жизни.

Ответ пришёл позже. Место в школе не обещали; просили прислать сведения об образовании и стаже. Жанар положила письмо в ящик письменного стола и достала диплом. Она давно не держала его в руках. На углу картонной папки осталась маленькая вмятина от прежнего переезда.

Когда Марат вернулся, на кухонном столе уже лежал чистый лист бумаги. Жанар попросила его подать конверт с верхней полки. Он увидел диплом и спросил:

- Тебе зачем?
- Для работы.
- У нас что-то изменилось?
- Пока нет.

Он хотел спросить ещё, но увидел, как она аккуратно переписывает свой стаж — год за годом. Не все эти годы имели отношение к нему. Этот простой факт почему-то оказался для него неприятнее возможного переезда.

На следующий день Талгат зашёл посмотреть старые таблицы. Марат показал список расходов; тот прочёл медленно, без удивления.

- Двадцать семь пунктов. Молодец. И что с ними делать?
- Сверить с источниками.
- Где они?
- Часть здесь. Часть в других отделах.
- А которых нет?
- Отметить как непроверенные.
- Не забудь.

Он вернул листы.

Марат почему-то ждал похвалы за длинный список. Но Талгат спрашивал только о том, как работа будет продолжена. Вечером Марат переписал замечания так, чтобы возле каждого стояло необходимое следующее действие, ответственный и граница проверки. Список стал короче, а работы прибавилось.

Когда через несколько недель Жанар снова заговорила о будущем, Марат ответил уверенно:

- Здесь всегда найдётся, что делать.

Она посмотрела на его руки, испачканные чернилами, и не стала возражать. Тогда он принял её молчание за согласие.

В октябре в школе Жанар назначили вести кружок после уроков. Кабинет, обещанный ей на педсовете, по расписанию занимал преподаватель черчения, и каждый вторник приходилось

переносить столы в библиотеку. Дети тащили стулья по коридору, а библиотекарь требовала оставлять проход к шкафу с атласами.

— Мы можем не собираться, — предложила ученица с короткой чёлкой. — Всё равно у всех дома дела.

— Можем, — ответила Жанар. — Только в прошлый раз ты сказала, что хочешь закончить работу.

Девочка подумала и пошла за стулом.

Когда Жанар попросила закрепить за кружком помещение, завуч показала на расписание: свободных кабинетов нет. Завуч не была против кружка. Она просто не хотела обещать комнату, которой не распоряжалась.

— Тогда возьмём библиотеку до шести, — сказала Жанар. — Я сама договорюсь, чтобы проход был свободен.

Дома она обнаружила, что Марат снова занял стол. Он разбирал учебные таблицы из институтской тетради для занятия с молодыми сотрудниками. Бумаги заняли весь край кухонного стола, где она раскладывала ученические тетради.

— Я на час, — сказал он.

— Ты вчера тоже на час.

Он потянулся за папками, но Жанар остановила его.

— Я не прошу убрать работу. Подвинься. Мне нужно проверить двадцать сочинений.

Они сидели по разным сторонам стола. Жанар иногда зачитывала особенно странную фразу и спрашивала, что автор хотел сказать. Марат предлагал свой вариант. Она возражала: нельзя исправлять ребёнка так, чтобы он перестал быть автором собственных слов.

Поздно вечером он сам убрал свои бумаги, хотя ещё не закончил. У Жанар осталось три сочинения. Она сказала, что проверит завтра, и впервые за несколько дней они вышли погулять, не обсуждая работу.

Часть вторая. Голоса

1986–1994

Глава 8. После апреля

*Семипалатинск-21
Май 1986 года*

Разговор за чаем после апрельских известий. Семипалатинск-21. Май 1986 года.

После короткого сообщения о Чернобыле Жанар несколько дней задавала вопросы, на которые Марат не мог ответить. Сначала он терпеливо объяснял, что реакторная авария и испытание — разные вещи. Потом заметил, что она перестала слушать на слове «разные».

— Я не спрашиваю, одинаковые ли они, — сказала она. — Я спрашиваю, почему люди сначала не знают, что с ними происходит.

Марат убрал газету. В ней появились сведения, по которым он пытался представить масштаб аварии. Чем больше читал, тем неприятнее было слышать уверенные объяснения коллег, уже успевших определить, кто виноват и как следовало поступить.

В лаборатории спрашивали о знакомых, которые могли оказаться там. Марат никого лично не знал. Талгат сказал, что в такие дни незнакомые люди почему-то очень быстро становятся знакомыми через кого-нибудь третьего. Попросил Виктора не повторять услышанного по дороге, если тот не может сказать, откуда сведения.

Виктор рассердился:

— Если ждать, пока всё сообщат, можно вообще никогда не узнать.

— Можно. Но твоё «говорят» человеку тоже не поможет.

Они спорили, пока не пришёл работник с обычной неисправностью. У него не сходились два показания после переноса оборудования. Пришлось освободить стол, проверить соединение, повторить запись. Марат испытал постыдное облегчение: здесь хотя бы можно было сделать действие и увидеть, что получилось.

Вечером Жанар попросила зайти в школу. Родители спрашивали у неё, что объяснять детям, если те пугаются незнакомого слова. Она хотела поговорить с мужем прежде, чем отвечать.

Марат приехал после уроков и обнаружил, что ждёт не собрание, а одна женщина с мальчиком. Ребёнок разглядывал пол, скребя каблукотом отставшую половицу.

— Он теперь всё спрашивает, можно ли выходить, — сказала женщина. — Я говорю, можно, а он не верит.

Марат начал с расстояний. Жанар не перебивала. Он дошёл до названия участка, замолчал и отодвинул газету: о страхе матери и ребёнка в его таблицах не было ничего.

— У ученицы бабушка из аула, — сказала Жанар. — Она и раньше спрашивала, зачем у них скот после болезни уводили. Я не знаю, о какой болезни она говорит. Вчера девочка спросила снова.

Марат хотел узнать, из какого аула.

— Узнаю, — сказала Жанар. — Только мне завтра опять входить в класс. Сказать ей «это далеко» я не могу.

Он сказал, где искать официальные сообщения, и попросил не заменять их советами, переданными неизвестно от кого. Женщина выслушала без благодарности. Она пришла за спокойствием, а получила ещё один адрес.

Мальчик поднял голову:

— А вы сами боитесь?

Марат посмотрел на Жанар. Она не помогла ему готовым ответом.

— Когда не понимаю, что происходит, боюсь, — сказал он.

Ребёнок перестал скрести половицу. Его мать взяла сумку, поблагодарила и вышла. Жанар осталась закрывать кабинет.

— Ты могла просто сказать, что всё хорошо, — произнёс Марат.

— Могла.

— Почему меня позвала?

— Хотела, чтобы ты услышал, что спрашивают.

По дороге домой они зашли в магазин. Марат нёс пустую сумку. В очереди две женщины говорили о продуктах, третья перебивала их, ссылаясь на родственника, который знает навер-

няка. Он не вступил в разговор. Ему не хотелось ни утешать незнакомых людей без основания, ни уходить с чувством, что одного точного отказа от ответа достаточно.

Дома он выписал для Жанар несколько простых объяснений: что означает измерение, почему результат относится к определённому месту и времени, почему чужое число без условий нельзя переносить на себя. Она прочитала, зачеркнула два слова и попросила объяснить их иначе.

Марат переписал. Впервые за много лет задача, которая не требовала ни нового прибора, ни сложного расчёта, заняла у него весь вечер.

Глава 9. Две чашки

*Семипалатинск-21
Декабрь 1986 года*

После звонка. Семипалатинск-21. Декабрь 1986 года.

Жанар узнала о переменах в Алма-Ате от брата прежде, чем Марат увидел телевизионные новости. Аскар позвонил поздно, говорил коротко и странно спокойно, будто рядом находился

человек, которому нельзя показывать волнение. Он сказал, что в городе много людей, что на площади происходили столкновения, что он сам домой добрался. Потом попросил передать матери: с ним всё в порядке.

Жанар позвала мужа, но разговор уже оборвался.

— Ты понял что-нибудь? — спросила она.

— Только то, что он дома.

— Он сказал не только это.

— Я не слышал.

Жанар посмотрела на него так, как смотрела редко: не сердито, а с удивлением, будто ждала от мужа другой, более взрослой реакции.

— Он не захотел говорить по телефону. Ты же понимаешь.

— Понимаю.

— И что?

— Завтра ещё позвоним.

— Не надо завтра. Он сам позвонит, когда сможет.

Она поставила на стол тарелку с холодным ужином. Два года назад они спорили из-за того, что Марат слишком долго задерживается на работе. Потом перестали. За годы её работы в школе у них появился свой порядок: если она ложится раньше, оставляет суп на плите; если Марат приходит до неё, покупает хлеб. Теперь телефонный разговор нарушил этот порядок сильнее, чем любая поздняя смена.

— У вас что говорят? — спросила она.

— Ничего определённого.

— А ты спрашивал?

— Мы работали.

— Работали, — повторила она.

Он хотел объяснить, что день был трудный, что люди обсуждали свои бумаги и сроки, что у него не было сведений, которым можно доверять. Но почувствовал, что Жанар интересуется не этим. Ей было важно, возникло ли у него собственное желание узнать.

— Я не собираюсь повторять слухи, — сказал он.

— А я тебя и не прошу повторять. Я говорю, что мой брат там. И мы ничего не знаем.

Марат сел. В тарелке сверху образовалась тонкая плёнка жира. Он осторожно разбил её ложкой.

— Я тоже переживаю.

— Знаю. Только у тебя этого не видно.

Она сказала это без обиды. Оттого фраза осталась с ним надолго.

В школе Жанар попросили вести занятия как обычно. На перемене двое старшеклассников поссорились из-за того, кто что слышал дома. Один говорил с чужих слов, другой уверял, что знает наверняка. Жанар развела их по разным сторонам коридора, потом вошла в класс с журналом в руках и обнаружила, что не может сразу начать урок.

Она написала на доске тему урока. Дети стали переписывать её, не поднимая глаз. Только один мальчик спросил:

— А если в Алма-Ате неправильно говорят, мы откуда узнаем?

— Сначала узнаем, что именно говорят, — ответила Жанар.

— А если нам не скажут?

Она подошла к окну. Во дворе дворник сгребал подмёрзшие листья, хотя ветер возвращал их обратно.

— Тогда нельзя делать вид, будто знаем, — сказала она. — Но это не значит, что и спрашивать нельзя.

После уроков она позвонила матери из учительской. Та переспросила дважды, что сказал Аскар. Жанар впервые не успокоила её готовой фразой: попросила подождать следующего звонка и договорилась сама сообщить новости. Вечером Марат увидел на столе рядом с чайником две чашки и лист с номерами телефонов. Жанар не попросила его ничего делать. Она уже всё устроила, что могла.

На следующий день в коридорах говорили о смене руководства республики. Фамилию Кунаева произносили с привычной интонацией, как фамилию человека, присутствовавшего в жизни каждого через портреты, газеты и разговоры взрослых. Новая фамилия, Колбин, звучала чуждо уже потому, что за ней ещё не стояло местных историй. Кто-то говорил об обстановке в столице уверенно; кто-то отвечал, что ничего такого не было; третий советовал не обсуждать неизвестного.

Марат слушал отрывки, не вступая. Ему поручили собрать заключение о серии проверок, и к обеду не хватало двух подписей. Он ходил из комнаты в комнату, уточняя, где искать людей. В одной из комнат кто-то выключил радио, когда он вошёл. Он не счёл это связанным с собой. Потом подумал: возможно, люди просто услышали шаги и решили работать.

Днём Талгат спросил:

— У тебя родственники в Алма-Ате есть?

— У жены брат.

— Связались?

— Да. Говорит, дома.

Талгат кивнул.

— Этого сегодня достаточно.

— Почему?

— Потому что за остальным надо идти к тем, кто знает. А ты сейчас ничего не установишь.

Вечером брат позвонил снова. Марат поднял трубку первым. Аскар спросил, дома ли Жанар, и, получив ответ, сказал:

— Ты только не передавай лишнего. Я скоро приеду, всё расскажу.

Марат хотел спросить, был ли Аскар на площади, что видел и с кем возвращался домой. Но услышал в голосе юноши твёрдое нежелание отвечать и позвал жену.

Жанар говорила с братом минут пять, больше слушала, чем спрашивала. Когда положила трубку, попросила Марата подвинуть чайник ближе к краю стола.

— Он живой, — сказала она.

— Я же говорил.

— Ты говорил другое. Ты говорил, что больше ничего нельзя установить.

Он хотел возразить, но вовремя понял: спорить о точных словах здесь было бессмысленно.

Утром на работе Талгат заметил, что Марат несколько раз посмотрел на один и тот же лист, не перевернув его.

— Ты сегодня здесь или там?

— Здесь.

— Тогда иди домой пораньше.

— У нас срок.

— Срок без тебя не исчезнет. А дом без тебя вечером может ещё раз прожить тот же день.

Марат впервые ушёл до окончания работы не потому, что выполнил задачу. В коридоре ему было стыдно, будто он уступил слабости. Дома Жанар ничего не спросила. Просто поставила на стол две чашки вместо одной.

В пятницу Жанар задержалась после уроков. В учительской остались завуч и учительница истории; на столе между ними лежал лист с фамилиями старших учеников. Завуч просила уточнить, кто из ребят имеет родственников в Алма-Ате и какие разговоры шли в классах.

— Для внутренней справки, — сказала она. — Без оценок. Нам нужно знать, чем дети заняты.

Жанар узнала несколько фамилий. В списке был тот самый мальчик, который спрашивал, как узнать правду, если её не сообщают. Напротив его фамилии оставили пустую строку.

— А что писать? — спросила Жанар.

— Что слышали. Кто что сказал.

— Вы же попросили меня проводить уроки как обычно.

— И проводите. Одно другому не мешает.

Завуч не повышала голоса. Она тоже боялась ошибиться, и Жанар это видела. Учительница истории сидела молча, придерживая пальцем угол листа, который поднимало теплом от батареи.

— Ребёнок спросил меня, можно ли доверять слухам, — сказала Жанар. — Не знаю, что здесь сообщать.

— Так и напишите.

— Его фамилию тоже?

Завуч убрала ручку в ящик.

— Жанар, я ведь не сама придумала.

Они посмотрели друг на друга. Устать за эту неделю успели все. Жанар взяла лист, нашла строку и написала: «Ученик спросил, можно ли доверять слухам. Сведений о самих событиях на уроке не сообщали». Затем поставила дату, расписалась и подвинула бумагу к завучу.

— Это всё, что я могу подтвердить.

Завуч прочитала запись. Попросила не забывать, что разговоры иногда продолжаются после звонка. Жанар ответила, что за каждым разговором детей следить не может. Она ожидала возражения, но завуч лишь спросила, нет ли у неё полоски плотной бумаги: у классного журнала оторвалась обложка.

В коридоре уже погасили половину ламп. У гардероба стоял мальчик из её класса, застёгивал пальто одной рукой и придерживал другой расстегнувшийся портфель. Увидев Жанар, он хотел что-то спросить, но передумал.

— Автобус ещё будет, — сказала она.

— Знаю.

Она помогла ему подобрать рассыпавшиеся тетради. В одной был рисунок зимней улицы, на котором художник зачем-то оставил деревья зелёными. Жанар вернула тетрадь, ничего не сказав о цвете листьев.

Вечером Аскар позвонил ещё раз. На этот раз он говорил громче и сердился, когда сестра расспрашивала подробно.

— Я же сказал, со мной ничего не было.

— А с кем было?

— Не знаю всех, — ответил он. — У нас тут людей много.

Слышно было, как кто-то просит его освободить телефон. Аскар быстро назвал новый адрес общежития, где можно оставить сообщение, и положил трубку. Жанар записала адрес на обороте школьного расписания. В графе последнего урока уже не помещались цифры, и она дописала название улицы на полях.

На следующий день Марат предложил позвонить ещё раз. Она отказалась.

— Пусть теперь сам, — сказала она. — Он просил.

Марат взял у неё бумагу и переписал адрес в семейную книжку. Он не спросил, почему она записала его на расписании, и Жанар была ему за это благодарна.

Глава 10. Разговор без протокола

Семипалатинск-21

Январь 1987 года

Разговор. Семипалатинск-21. Январь 1987 года.

Ракитин пришёл перед обедом. Марат видел его прежде на служебных совещаниях, но один на один они не разговаривали. Тот носил обычный тёмный костюм, оставлял пальто

на стуле и никогда не садился спиной к двери. Из-за этой привычки Виктор однажды целую неделю выбирал себе место так же, пока Талгат не спросил, что он там охраняет.

Ракитин работал по линии государственной безопасности. В комнате о нём говорили «из органов», реже — «КГБ». Ни должности, ни круга его поручений Марат толком не знал; это незнание почему-то позволяло приписывать ему больше власти, чем людям, чьи подписи стояли на распоряжениях.

— Минут десять найдёте? — спросил Ракитин.

Марат посмотрел на часы. До столовой было ещё двадцать минут.

В соседней комнате Ракитин попросил прикрыть дверь и сразу сказал, что речь не об измерениях и лаборатории. Марат поднял голову.

— А о чём?

— У вас родственники в Алма-Ате. После декабрьских событий разговоров много. Сотрудники пересказывают услышанное дома, потом выясняется, будто сведения получены здесь.

— Я здесь ничего не рассказывал.

— Я не утверждаю, что рассказывали.

На столе лежала папка без надписи. Ракитин к ней не притрагивался. Марат поймал себя на том, что пытается определить её толщину.

— Брат жены у вас бывает?

— Был раньше. Когда приедет снова — не знаю.

— Что он вам сообщил?

Марат назвал только то, что слышал сам: домой добрался, с сестрой говорил отдельно, подробностей не сообщал. Он не сказал о новом адресе общежития. Ракитин не спросил.

— Вы можете мне записать именно это? — произнёс он.

Марат хотел согласиться, потом посмотрел на закрытую папку.

— Для чего?

Ракитин помолчал.

— Чтобы не передавать ваши слова по памяти.

Ответ был разумным. От этого Марату стало хуже. Всю жизнь он требовал, чтобы слова сохранялись вместе с основанием; теперь сохранения требовали от него, а основания он не видел.

— Я не знаю, что собираются устанавливать по моим словам.

— Тогда не пишите о том, чего не знаете.

Он придвинул чистый лист. Марат записал дату разговора с Аскарсом приблизительно, отдельно указал, что точного числа не помнит. Передал написанное. Ракитин прочёл и попросил добавить фамилию.

— Моего родственника?

— Вашу. Вы же записали.

Марат расписался. Ракитин сложил лист, убрал в папку и больше вопросов не задал. Десять минут кончились. Они вышли в коридор, где двое сотрудников уже спорили, успеют ли получить горячее.

За обедом Виктор спросил, чего от него хотели. Марат ответил, что уточняли разговоры. Виктор положил ложку.

— Какие?

— Домашние.

— Тогда чего ты мне рассказываешь?

Он сказал это тихо, без своей обычной улыбки, и Марат вдруг рассердился. Ракитин говорил с ним вежливо, никто не угрожал, никто не требовал ложного показания, а за столом уже нельзя было произнести два обычных слова.

Вечером он рассказал Жанар всё. По мере рассказа её лицо становилось неподвижным. Когда он дошёл до листа, она спросила, почему не позвонил домой сразу.

— Я ничего не сообщил, чего сам не слышал.

— Я спросила, почему ты мне не позвонил.

Он начал объяснять, что разговор не касался её, потом остановился. Аскар был её братом.

Жанар встала и убрала со стола семейную книжку с адресами. Марат никогда не обращал внимания, куда она её кладёт. На этот раз увидел: в ящик с дипломом, под тетради.

— Он не спрашивал адрес, — сказал Марат.

— Хорошо.

Она не хлопнула ящиком. Села и продолжила проверять сочинение. Марат долго стоял возле плиты, хотя чайник ещё не закипал.

На следующий день он разыскал Ракитина и попросил показать свою запись. Тот удивился, но лист принёс. Марат перечитал. Ни одной неправильной строки не было.

— Дополнить хотите?

— Хочу знать, куда она пойдёт.

— По моему поручению. За это отвечаю я.

Он больше ничего не объяснил. Марат вернулся к столу, впервые почувствовав, что точная запись может оставаться частью чужого, неизвестного ему действия.

Дома он сказал Жанар, что видел лист ещё раз. Она спросила, стало ли ему спокойнее. Марат покачал головой. Жанар подвинула ему чистую чашку. Семейной книжки на столе по-прежнему не было.

Глава 11. Белые рубашки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.